

MGIMO University
Institute for International Studies
Center for the Caucasian Studies and Regional Security

CAUCASUS ANTHOLOGY

Vol. 12 (44)

Moscow
Aspect Press Ltd.
2020

МГИМО МИД России
Институт международных исследований
Центр проблем Кавказа и региональной безопасности

КАВКАЗСКИЙ СБОРНИК

Том 12 (44)

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2020

Абхазский государственный проект в 1918–1921 гг.: предпосылки и попытки реализации

В 2018 г. исполнилось сто лет попытке восстановления государственности Абхазии. Данное событие имеет противоположные трактовки в абхазской и грузинской историографии. Известные всем факты подвергаются полярным интерпретациям. Поэтому рассмотрение событий тех лет невозможно не только без анализа фактологии, но и без рассмотрения исторических предпосылок событий.

С этой точки зрения события 1917–1918 гг. в Абхазии не были просто реакцией на революционные события в Центральной России, которые стали катализатором процессов, идущих с момента начала инкорпорации Абхазии и грузинских княжеств в состав Российской империи и Кавказской войны XIX в.

Абхазская государственность была прервана в 1864 г. упразднением автономии Абхазского княжества, на месте которого был образован Сухумский военный отдел¹ (затем, с 1883 г. — Сухумский округ²). Отдельно следует выделить судьбу нынешнего Гагрского района Республики Абхазия, который в 1904 г. был передан в состав Сочинского округа Черноморской губернии (фактически — под патронат принца Александра Ольденбургского).

За этот период — 1864–1917 гг. — изменился этнический состав Абхазии. Огромное количество абхазов вынуждено было эмигрировать в Турцию, а на их место пришло несколько миграционных потоков.

**Владимир
Владимирович
НОВИКОВ**

Один поток — русские колонисты, второй — переселенцы из Османской империи (армяне, греки), третий — мингрелы, сваны и грузины. И этот третий поток стал наиболее мощным и многочисленным.

Важно понять, что грузино-мингрельский миграционный поток — в отличие от русского, армянского и греческого — был идеологически мотивирован. Ведь синхронно с ним зарождался грузинский национальный проект. Гия Нодия прямо относит его рождение к деятельности Ильи Чавчавадзе и принципу «Эна, Мамули, Сарцмуноеба» — «Отечество, Язык, Вера»³. Другой исследователь, Заза Андроникашвили, утверждает, что политическая концепция Ильи Чавчавадзе — это переведенная на язык светской политической мифологии средневековая грузинская политическая теология⁴, созданная для основания «новой Грузии»⁵. Он хотел сформулировать грузинскую национальную идею после инкорпорации в состав Российской империи.

Ее не смогло создать поколение «отцов» — первое поколение грузинских политиков и интеллектуалов, действовавшее уже в российской Грузии. Как интерпретирует эту ситуацию тот же Андроникашвили, «поколение отцов принимало активное участие в основании национальных институций, но все же не смогло адекватно осмыслить новые политические реалии, оставаясь в смысле политической теории на монархических и консервативных позициях»⁶. В итоге «более консервативным взглядам поколения “отцов” шестидесятники противопоставили новое, секулярное понимание истории. Упразднение грузинского царства для Ильи Чавчавадзе означало радикальный разрыв исторической преемственности, что он приравнивал к эсхатологической катастрофе...»⁷.

И вот тут-то возникла определенная метаморфоза, которая фактически привела к рождению идеи создания грузинского государства на новом витке истории. Суть ее объяснил все тот же Андроникашвили: «Традиционные смыслы святости грузинской земли... в мифотворчестве Чавчавадзе лишаются своей библейской привязки в виде связи с “историей спасения”... Сакрализованная категория “отечества” подразумевает идеализированное понятие территории и является генератором национальной идеи: именно “отечество” собирает грузин в одну нацию, а Грузию — в одно государство...»⁸.

Традиционная грузинская политическая мысль (тот же Гия Нодия) считает, что «грузины были робки в своих политических амбициях... Полной политизации грузинского национализма не произошло до того момента, когда исторические обстоятельства не подтолкнули страну к провозглашению полной независимости»⁹.

Данное утверждение, как минимум, дискуссионно. Уже поколение «отцов» приняло активное участие в заговоре 1832 г., целью которого было реформирование отношений между Грузией и Российской империей. Однако даже если утверждения Нодия верны, то сама логика политической философии Чавчавадзе (а значит, и всего ориентированного на него круга грузинской интеллигенции!) вела к появлению политического проекта, целью которого было обособление Грузии от России.

И сразу же возникает вопрос о границах, в которых он должен осуществляться. К моменту инкорпорации в Российскую империю Картли-Кахетинского царства понятие «Грузия» существовало исключительно как географическое, но не политическое.

В этом контексте Абхазия не могла не рассматриваться грузинскими интеллектуалами и политиками как часть проектируемой ими «новой Грузии». В пользу этого они всегда приводили аргументы о том, что Абхазия и Грузия долгое время входили в состав одного государства, а также династические связи абхазской и грузинской аристократии. Однако игнорировалось, что в Средневековье они стали частью одного государства в результате династической унии.

Поэтому грузино-мингрельский миграционный поток в Абхазию был спровоцирован во многом именно идеологической позицией грузинской интеллигенции. В этой связи следует сделать и еще одну важную оговорку. Стандартной формой описания ситуации, приведшей к махаджирству и ликвидации автономии Абхазского княжества, является интерпретация их как части противостояния двух империй — Российской и Османской.

Однако почему-то всегда почти вне сферы внимания историков остаются такие процессы, как влияние местных конфликтов на позицию имперских администраторов. Несмотря на всю оформившуюся к XVIII в. связь Абхазии с картвельским миром, ее отношения с грузинскими государствами (в первую очередь, с Мингрелией) были крайне натянутыми. Вплоть до многолетних кровопролитных войн.

И в этой ситуации возникает вопрос: а был ли сформирован к началу революционных событий в России 1917 г. абхазский политический проект?

По мнению Гии Нодия, «его конструирование начинается в конце XIX — начале XX в. Но абхазская элита принялась за эту работу, имея иные исходные этноисторические предпосылки. Хотя они могли апеллировать к определенной истории государственности, эта история не имела соответствующей “высокой культуры”, т.е. абхазской письменной традиции. Второй особенностью абхазского национального проекта было то, что здесь центральное место занимала идея не независимости, а скорее выживания в качестве отдельной этнической группы»¹⁰. И он же утверждает, что «абхазский национальный проект начал развиваться в двух версиях. С одной стороны, исходя из этнического родства с черкесскими племенами, логика этнолингвистического национализма естественно подталкивала абхазов к поиску идентичности в этом культурном ареале... С другой стороны, политическое и культурное родство абхазской государственности с Грузией тоже имело значение... На этом основывалась другая тенденция, которая искала определения абхазской идентичности в тесной близости с Грузией, но сохраняя особый статус Абхазии... абхазский национализм определял себя не на фоне России в целом, а искал свою особую нишу в западнокавказском регионе»¹¹. Как будет показано ниже, последнее утверждение — это попытка выстроить удобную для грузинской стороны версию событий 1918–1921 гг.

Отметим, что, говоря о прогрузинской части абхазской политической элиты, Нодия явно недоговаривает определенных нюансов, которые не понимает плохо знакомая с реалиями грузино-абхазских отношений публика. Речь идет о самурзаканском дворянстве, о знати Самурзакана, который являлся зоной как грузино-абхазских культурных контактов, так и конфликта. На него не распространилась «виновность» абхазского населения¹². Внутри этого дворянства шла борьба двух тенденций — прогрузинской и проабхазской¹³. Говорить об однозначном преобладании той или иной тенденции трудно. В разные периоды ситуация менялась. Так, прогрузинская фракция второго и третьего состава Абхазского народного совета (АНС) состояла в основном из самурзаканцев. Но именно их представители (Е. Эшба, Н. Акиртава и т.д.) были в руководстве абхазских большевиков — сторонников не зависимой от Грузии советской Абхазии.

Однако если рассматривать ситуацию объективно, то абхазский политический проект начал вызревать со второй половины XIX в. вместе с появлением национальной интеллигенции. Вызревание грузинского и абхазского политических проектов проходило на фоне маневрирования российской политики на Кавказе.

В XIX в. и примерно до середины 1900-х годов ставка российской администрации делалась на грузин. Если рассматривать факты, то получается, что при всех оговорках грузинской знати была отдана субимперская (если не субимпериалистическая!) роль.

Все изменилось в период революции 1905–1907 гг. Революционные события захватили и Абхазию, на территории которой было создано две республики — Гудаутская и Самурзаканская. Показательно, что из 46 осужденных за участие в революционных событиях уроженцами Абхазии являлись только пятеро, из которых этнических абхазов трое. Основная масса осужденных — пришедшие агитаторы и крестьяне-отходники из Гурии и Мингрелии¹⁴. Абхазское крестьянство проигнорировало революцию 1905 г. по нескольким причинам. Мы выделим одну, согласившись с С.З. Лакоба, что абхазское крестьянство восприняло революционные события как грузинское дело¹⁵. В 1907 г. с абхазского народа была снята виновность. И с этого момента имперская власть начала очень аккуратно поворачиваться лицом к абхазам.

Падение российской монархии в феврале 1917 г. сделало Абхазию территорией борьбы между несколькими этнополитическими группами.

9 марта (ст. стиль) 1917 г. вместо Кавказского наместничества был создан Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) в составе пяти депутатов Государственной Думы во главе с кадетом Василием Харламовым. На следующий день — 10 марта — в Сухуме были созданы Комитет общественной безопасности во главе с сухумским городским головой князем Александром Шервашидзе и милиция во главе с князем Таташем Маршания. В состав комитета вошли и представители самурзаканского дворянства князя Джото Шервашидзе, Ар-

закан и Владимир Эмухвари (двое последних — меньшевики). С этого момента начинается перетягивание этнического и партийного канатов в Абхазии.

В апреле 1917 г. был создан Национальный Интерпартийный совет Грузии во главе с Акакием Чхенкели для создания широкой автономии Грузии в составе России. Территория «новой Грузии» была разделена на «бесспорные» и «спорные» части. Вопрос о принадлежности последних решался через референдум. К «спорным» была отнесена и большая часть территории Абхазии¹⁶.

Часть грузинских политиков считала необходимым создание совместной автономии Грузии и Самурзакана с отказом от планов инкорпорации всей Абхазии. Современный армянский исследователь Б.В. Маилян называет их «более дальновидными»¹⁷. Согласиться с такой характеристикой трудно, так как вряд ли бы абхазы смирились с потерей Самурзакана. А значит, конфликт вспыхнул бы и в этом случае. Следует отметить, что такие решения делали необратимым территориальный передел по этническому принципу. И дело было не только в Самурзакане. Существовала и проблема отчужденной в пользу Черноморской губернии (фактически — в пользу семейства Ольденбургских) Гагры и прилегающей к ней территории.

Летом 1917 г. в Сухуме проходят выборы в городскую думу. Подготовкой к ним занимается Акакий Чхенкели, который готовит одновременно и крестьянский съезд. Заметим, что последний — это депутат Государственной Думы от Батумской и Карсской областей и Сухумского округа, связанный с местными меньшевиками (в первую очередь, самурзаканскими). В результате выборов в Сухумскую городскую думу в нее были избраны меньшевики, а городским головой вместо Шервашидзе был выбран меньшевик В.Г. Чхиквишвили¹⁸. С этого момента Чхенкели становится главным участником абхазской политической драмы с грузинской стороны.

При этом важно отметить, что, начиная с лета, грузинские меньшевики все больше начинают заниматься делами своего региона. Если меньшевики все больше теряли в общероссийском масштабе, то в Грузии они были популярны. Отсутствие рабочего класса, наличие обедневшего дворянства и мелкой буржуазии делали умеренные марксистские формулы политическим мейнстримом.

Меньшевизм с грузинской спецификой предполагал национальный окрас. Обнищание грузинского дворянства и мещанства происходило на фоне экономического преуспевания других этнических групп (армян и не только). И это делало меньшевизм помесью национализма и умеренной социал-демократии, что наложилось и на грузино-абхазские отношения.

20 октября 1917 г. во Владикавказе был подписан союзный договор Юго-Восточного Союза Кавказских Войск, Горцев Кавказа и Вольных народов степей, целью которого объявляется «достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием Членов Союза отдельными ее штатами»¹⁹. В первой статье этого договора в качестве одного

из участников союза указан «горский народ Сухумского округа (Абхазцы)»²⁰. На съезде союза присутствовала абхазская делегация во главе с А.Г. Шервашидзе²¹. Таким образом, для абхазских политических кругов появился центр притяжения.

7 ноября в Сухуме собрался Первый окружной крестьянский съезд. В ходе съезда выделились две группировки. Первая — это сторонники союза с Юго-Восточным Союзом Кавказских Войск, Горцев Кавказа и Вольных народов степей во главе с Симоном Басария, Михаилом Тарнава и другими. Вторая — это сторонники ориентации на союз с Тифлисом (в основном самурзаканцы), которых консолидировал срочно приехавший в Сухум Чхенкели. При этом самурзаканская часть съезда угрожала выходом из состава Абхазии в случае отказа от присоединения к Грузии²². То есть Чхенкели и союзники просто шантажировали своих политических оппонентов разрушением Абхазии.

На следующий день — 8 ноября — сторонники Басария создали Абхазский Народный Совет (АНС) во главе с князем Александром Шервашидзе. Таким образом, Басария и его сторонники заключили союз с группировкой Александра Шервашидзе — Таташа Маршания. На съезде была также принята Конституция АНС.

15 ноября вместо ОЗАКОМа появился Закавказский комиссариат, который должен был действовать до созыва Учредительного собрания. 20 ноября Интерпартийный совет преобразовывается в Национальный Совет Грузии (НСГ) во главе с меньшевиками, который ставит своей целью восстановить власть Временного правительства и добиваться широкой автономии Грузии.

Таким образом, к концу 1917 — началу 1918 г. обе стороны — и абхазская, и грузинская — выступали за широкую автономию в составе будущей федеративной России. Основные разногласия возникали вокруг желания грузинских политиков инкорпорировать в свой состав Абхазию по частям или целиком.

Однако в тот же период нарастал процесс, который можно назвать обнулением российского фактора в регионе. Большевики были неприемлемы и для абхазских, и для грузинских политиков. Альтернативные большевикам политические центры либо не вызрели, либо были заняты политической борьбой. Особую роль сыграл крах Учредительного собрания 6 января 1918 г. Ведь именно к этому органу апеллировали закавказские политики. В этой ситуации грузинские партии (в первую очередь, меньшевики) вместе со своими армянскими и азербайджанскими коллегами демонстрировали готовность к созданию единых форм государственности в Закавказье²³. Однако попытки выстроить единое государство в Закавказье были изначально обречены на провал. Причина — разные устремления ведущих национальных партий региона и этноконфессиональные противоречия²⁴.

В этой ситуации 9 февраля 1918 г. в Тифлисе прошли переговоры между членами АНС и НСГ, инициированные Чхенкели. В результате стороны пришли к соглашению:

«1. Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань или что то же нынешний Сухумский округ.

2. Форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созданном на демократических началах.

3. В случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются иметь предварительные между собой по этому поводу переговоры»²⁵.

Грузинская историография трактует это соглашение однозначно: Абхазия признала зависимость от Грузии и получила автономию. Но к моменту достижения данных договоренностей никакой Грузии еще не существовало.

На следующий день после этих соглашений — 10 февраля — Закавказский комиссариат был трансформирован в Закавказский сейм, сформированный из депутатов Учредительного собрания и представителей политических партий региона.

Б.В. Маилян предлагает нам следующую интерпретацию соглашений от 9 февраля: «9 февраля 1918 года грузинская сторона отказалась от непосредственного объединения Самурзакани с Грузией и взамен получила обещание абхазов временно снять лозунг о присоединении к северокавказскому федеративному объединению... Дальнейшая судьба Сухумского округа должна была решаться на его Учредительном собрании с участием представителей всех национальностей, проживающих в Абхазии, и в этом вопросе особую роль в соответствии с 3-м пунктом грузино-абхазского соглашения должна была иметь Грузия»²⁶.

Данный тезис Маиляна мало соответствует действительности. Третий пункт, если следовать его прямому тексту, предусматривал взаимные обязательства сторон вступить в переговоры друг с другом при заключении договоров с третьими сторонами, но никак не особую роль Грузии. Особые вопросы вызывает интерпретация взаимного компромисса сторон по территориальному вопросу. Нигде не зафиксирован факт отказа от ориентации на Северный Кавказ в обмен на Самурзакан. Однако Маилян не заметил другого: темы восстановления Абхазии до реки Мзымта, т.е. возвращения Гагры и окрестностей. Таким образом, соглашения от 9 февраля 1918 г. — это протокол о намерениях, который каждая сторона могла толковать в свою пользу.

4–9 марта 1918 г. в Сухуме под председательством сухумского городского головы Чхиквишвили прошел Второй Сухумский Окружной крестьянский съезд, который признает Закавказский сейм в качестве общекраевой власти и АНС в качестве высшей власти на территории Абхазии²⁷. Совершенно очевидно, что это — компромисс между тифлисскими политиками и АНС. Его на уровне устного обещания закрепил член НСГ Д. Сулиашвили, который заявил, что «Абхазия будет целостной автономной единицей, основанной на территориально-национальном принципе»²⁸.

Оценивая принятые решения, Б.В. Маилян считает, что съезд «в обход намечаемого окружного Учредительного собрания, уже определил будущий политический статус Абхазии в составе закавказского объединения»²⁹. С этим можно было бы согласиться, но с одной существенной оговоркой. Сама идея общего закавказского государственного или квазигосударственного объединения была поставлена к тому моменту под сомнение. Внутри Сейма был раскол по вопросу об участии в Первой мировой войне и о форме дальнейших отношений Закавказья с Россией. Таким образом, признание Закавказского сейма было также не чем иным, как декларацией о намерениях, которую каждая сторона могла толковать в свою сторону.

Закавказское образование в виде Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР) во главе с Акакием Чхенкели было создано в Тифлисе 22 апреля (нов. ст.) 1918 г. Несмотря на декларируемый федеративный характер, никакой де-факто федерацией данное образование не являлось. Не были очерчены ни внешние, ни внутренние границы. Не были также расписаны права центра и субъектов этой федерации. Эта федерация просуществует до 26 мая, когда Грузия в результате сепаратных переговоров с Германией провозгласила свою независимость.

Между 22 апреля и 26 мая случились события, которые в грузинской историографии характеризуются как наведение порядка в абхазской автономии, а в абхазской — грузинской оккупацией.

Существует и еще один взгляд на проблему, сторонники которого пытаются представить себя как носителей объективной точки зрения. Тот же Маилян формулирует дословно следующее: «Главный вывод абхазских историков — об оккупации и аннексии их родины со стороны Грузии — при поверхностном взгляде на проблему отнюдь не кажется таким уж далеким от истины. Однако следовать сей концепции — значит оставить без внимания ряд важных фактов и явлений, которые придают этой проблеме необходимую многогранность, без чего, как представляется, невозможно глубокое понимание сущности данного вопроса. Установлению доминанты правительства Грузии в Абхазии способствовали гражданская война в России, турецкая угроза и посягательства абхазских националистов в отношении некоренного населения этого региона... Правительство Грузии, используя различные рычаги давления, в том числе и дипломатические, но в решительный момент не отказываясь и от применения вооруженной силы, смогло взять под свой контроль территорию Абхазии. Тем самым был сделан решительный шаг на пути реинтеграции Абхазии в общегрузинское культурно-политическое пространство и создания единой (унитарной) государственности. ... с марта 1919 года вплоть до ее советизации Абхазия фактически пользовалась местным самоуправлением ("земской автономией")»³⁰.

Сразу же бросаются в глаза тезисы, которые при ближайшем рассмотрении могут быть поставлены под сомнение. Например, тезис о реинтеграции Абхазии в общегрузинское культурно-политическое пространство. Ничем не

подкреплен тезис о насильственных действиях абхазских националистов в отношении некоренного населения.

Что касается турецкого фактора, большевиков и всего прочего, то к моменту распада Закавказской федерации вокруг абхазской проблемы переплелись два фактора — внешнеполитический и внутривнутриполитический.

Внешнеполитический фактор сводился к тому, что обстановка в регионе менялась даже не с каждым месяцем, а с каждой неделей и даже днем. К марту–апрелю 1918 г. в регионе не осталось иных сил, кроме Германии и Турции, к которым мог бы апеллировать не только АНС, но и любая другая сила в регионе. И именно в этом контексте следует рассматривать вопрос о турецких симпатиях членов АНС.

Действительно, 11 мая на Батумской мирной конференции абхазская делегация заявила о желании войти в состав Горской республики, которая получила признание де-юре от Турции и де-факто — от Германии. Важно отметить, что в ходе конференции началась конкуренция между двумя союзниками — Германией и Турцией, в которой грузинские меньшевики сделали ставку на Берлин³¹. У АНС не оставалось иного выбора, кроме как начать диалог с Турцией.

Другим доказательством протурецкой ориентации сторонников АНС в историографии приводятся события 27 июня — 15 августа, связанные с десантом турецких офицеров абхазского происхождения во главе с князем Джамалбеком Маршаном. Он высадился в имении главы первого АНС князя Шервашидзе и был поддержан им и рядом его соратников. Он был разбит, а Шервашидзе с группой лиц (Таташ Маршания, Меджит Багапш, Симон Басария и т.д.) объявлены в розыск³².

Следует указать, что данный десант состоял исключительно из абхазов. Официально Турция в нем не участвовала. Более того, существовало секретное соглашение между Турцией и Германией от 27 апреля 1918 г., по которому Абхазия входила в зону германских, а не турецких интересов. О временном и даже вынужденном характере ориентации на Турцию говорил и один из лидеров первого АНС, Семен Ашхацава: «Разговор о туркофильстве — это вздор и обман; если дальше так будет продолжаться, то действительно народ примет какую угодно ориентацию, не только турецкую, даже дьявольскую, лишь бы избавиться от захватчиков...»³³.

Кроме того, возникает и еще один интересный момент. После разгрома махаджирского десанта Александра Шервашидзе Таташ Маршания и некоторые другие бежали на юг России, где заключили союз с Антоном Деникиным. Таким образом, активисты первого состава АНС пытались получить на разных этапах поддержку северокавказских кругов, турок и деникинцев.

Внутривнутриполитический фактор заключался в том, что к апрелю–маю 1918 г. в конфликт между АНС и тифлисскими политиками вмешалась «третья сила» в лице большевиков. Если говорить на языке социальной теории, то АНС

и НСГ хотели реализовать свои национально-государственные проекты. Эти проекты были разнонаправленные — абхазский и грузинский. И проблемы социальные были для них на втором месте. Для большевиков все было наоборот: сначала — вопросы социальные, а затем — вопросы государственного строительства, понимаемые ими сквозь призму интернационализма.

При этом политико-юридический статус как Абхазии, так и Грузии был неопределенным. Точнее, происходил процесс выделения Абхазии и Грузии из административно-территориальных образований Российской империи в государственные образования.

В каком состоянии был этот процесс к апрелю—маю 1918 г.? Насколько оправдан в этой ситуации тезис об оккупации? И обладала ли Абхазия под властью меньшевиков хотя бы земской автономией?

В это время Абхазия имела власть в лице АНС, который признавался Тифлисом как власть на этой территории. Был протокол между АНС и НСГ от 9 февраля 1918 г., который оставлял открытым вопрос о государственно-правовых отношениях двух сторон, но в нем были указаны границы абхазского государственного образования — «в пределах от р. Ингур до р. Мзымта».

Акт о независимости Грузии от 26 мая 1918 г. никак не обозначил границы нового государства. Первые документы о границах Грузии появились не раньше лета 1918 г. Тогда на Стамбульской конференции с участием государственных образований Закавказья и Северного Кавказа историк и литературовед Павле Ингорква сделал об этом доклад. В 1919 г. грузинская делегация представила на Парижской мирной конференции карту Грузии, где не только Абхазия, но и Сочинский округ были представлены ее частью. Автором карты был все тот же Ингорква³⁴. То есть к весне—лету 1918 г. границы Абхазии были очерчены, а Грузии — нет. Государственно-правовые отношения между ними также находились в неопределенном статусе.

И вот тут в процесс выяснения отношений между Абхазией и Грузией вмешался большевистский фактор. Первую попытку захватить власть большевики предприняли 16–21 февраля 1918 г., когда был образован Военно-Революционный комитет (ВРК) во главе с Ефремом Эшба, который захватил Сухум. Однако новая власть не продержалась и нескольких дней. Вторая попытка была предпринята 8 апреля — 17 мая. В течение нескольких дней захвачены Сухум, Новый Афон, Гудаута. Власть АНС становится номинальной. Цель большевиков — присоединение Абхазии к Черноморской губернии, где уже была установлена советская власть.

И это было огромной политической ошибкой абхазских большевиков образца 1918 г. Эту ошибку признавала и позднесоветская историография. Так, видный советский абхазский историк Б.Е. Сагария в своей монографии «Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1918–1921 гг.)» писал буквально следующее: «В период Октября и на первом этапе борьбы за власть Советов они (большевики. — В.Н.) допустили

ошибку, не выдвинув своевременно лозунга образования национальных советских республик, считая, что создание таковых на Кавказе окажется вредным для дела революции... Ту же ошибку допустили и коммунисты Абхазии в 1918 году. Взяв полноту власти в свои руки, Военно-Революционный комитет Абхазии не объявил Абхазию советской социалистической республикой. Эту ошибку большевиков использовали буржуазные националисты. Спекулируя на национальных чувствах крестьянства и многочисленной мелкой буржуазии, они выдавали себя за защитников интересов нации и их независимости»³⁵. По словам Сагария, большевики «не смогли выдвинуть свой большевистский план создания советской автономии»³⁶. Тезис очень смелый для 1981 г.!

Однако большевики в 1918 г. совершили ошибку не только в национальном вопросе, но и в том, что по всем канонам должно составлять ядро их идеологии, — в вопросе классовом.

Основа сил большевиков — многочисленное крестьянство. Как абхазское, так и иноэтничное. В помощь местным большевикам были приданы революционные отряды Черноморского флота. И вот тут-то и случился крупный конфликт. В топке корабля «Дакия» был сожжен представитель дворянства Кодорского участка князь Н. Эмхаа (Эмухвари) и его молочный брат из числа крестьян³⁷. На Кодорском участке начинается антибольшевистское движение³⁸.

10 мая 1918 г. в устье реки Кодор высадился десант закавказской Красной гвардии, которая прибыла на подмогу кодорским крестьянам. 17 мая был взят Сухум. Вскоре пали Гудаута и Новый Афон, а штаб большевиков оказался в Гагре.

Однако между 10 и 26 мая произошли события, которые повлияли на политико-правовой статус всех сторон.

11 мая в Батуме открылась мирная конференция с участием Германии, Турции, ЗДФР, северокавказского правительства. В тот же день Турция признала Северокавказскую республику. Почти синхронно с этим группа членов АНС (А. Шервашидзе, Т. Маршания, С. Басария) обратилась к турецкому правительству с просьбой признать Абхазию частью северокавказского государства. Грузинская сторона 20 мая сформировала альтернативную делегацию членов АНС (В. Шервашидзе, М. Багапш, Ч. Киут, А. Чочуа и ряд других), которым были даны инструкции настаивать на принадлежности Абхазии к Закавказской Федерации.

И тут важно сказать о том, в каком состоянии находился АНС. После захвата Сухума большевиками часть его членов оказалась в тюрьме, а часть — в селе Моква. Фактически он был дезорганизован. После освобождения от большевиков АНС был воссоздан, но грузинские меньшевики кооптировали в него своих однопартийцев. Был заменен и председатель АНС, которым стал представитель самурзаканской ветки князей Шервашидзе, меньшевик князь В. Шервашидзе. И именно в этой ситуации грузинские меньшевики смогли дать инструкции делегации АНС о вхождении Абхазии в ЗДФР. Однако и эта

делегация раскололась. Часть ее членов — Басария, Багапш, Киут, Авидзба — поддержали требования о вхождении в горскую республику.

Провозглашенная 26 мая независимость Грузии обнулила все ранее имевшиеся договоренности между АНС и Закавказским сеймом.

И вот тут возникают два вопроса: Как квалифицировать режим, возникший после 26 мая 1918 года? Как квалифицировать государственно-правовые отношения Абхазии и Грузии после этой даты?

Чтобы ответить на эти два вопроса, обратимся к постановлению АНС от 2 июня 1918 г. под характерным названием «О суверенитете Абхазии после распада Закавказской Федеративной республики».

Этот документ декларировал следующее:

- констатировал отсутствие государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией после распада ЗДФР;
- возлагал на АНС всю полноту власти на территории Абхазии;
- обращался к НСГ с просьбой оставить в распоряжении АНС отряда грузинской Красной гвардии для водворения порядка;
- фактически отменял распоряжения грузинского правительства о судопроизводстве и мобилизации;
- содержал требование воздержаться от подобных действий дальше;
- делегировал в Тифлис депутацию с целью решения вопросов взаимоотношений между Абхазией и Грузией³⁹.

8 июня в Тифлисе был составлен проект договора между Абхазией и Грузией, предполагавший:

- создание при грузинском правительстве поста министра по делам Абхазии, на который назначается кандидатура по представлению АНС;
- сам АНС берет на себя внутреннее управление Абхазией;
- финансирование Абхазии осуществляется за счет средств, отпускаемых грузинским правительством и расходуемых АНС;
- в помощь АНС посылается отряд Красной гвардии;
- формируется также интернациональный отряд под контролем АНС;
- вооружение и снаряжение для него выделяется Грузией;
- социальные реформы проводятся на основе общих законов применительно к местным условиям;
- «по возможности в скором будущем» собирается съезд населения Абхазии, который должен окончательно решить вопросы устройства Абхазии;
- договор пересматривается Национальным Собранием Абхазии⁴⁰.

11 июня эмиссары АНС Р. Какуба (тоже, кстати, самурзаканец!), Г. Туманов, В. Гурджуа и Г. Аджамов подписали с представителями грузинских властей в лице министра юстиции Ш. Алексева-Месхиева (Алекси-Мес-

хишвили) и министра земледелия Н. Хомерики договор, который сводился к следующему:

- договор пересматривается Национальным Собранием Абхазии, которое и определит устройство Абхазии и ее отношения с Грузией;
- при правительстве Грузии находится представитель АНС;
- внутреннее управление принадлежит АНС;
- в вопросах внешней политики Грузия и Абхазия выступают совместно;
- финансирование и кредитование идет со стороны правительства Грузии, и средствами распоряжается АНС;
- в распоряжение АНС посылается отряд Красной гвардии;
- АНС создает свои части, которые финансируются из Тифлиса;
- социальные реформы проводятся в жизнь АНС на основе законов Закавказского сейма⁴¹.

Если сравнивать два этих документа, то можно сказать, что проект договора от 8 июня более расплывчат. В договоре от 11 июня говорится о временном характере договора и о совместном ведении внешней политики.

При этом в течение этих трех дней — с 8 по 11 июня — в Тифлисе идут переговоры, в ходе которых на делегацию АНС оказывался сильный нажим. Так, в частности, в телеграфных переговорах члена АНС Какуба с Сухумом говорится, что грузинское правительство «находит безусловно немедленно необходимым выяснить взаимоотношения Абхазии и Грузии хотя бы на время до созыва съезда полномочных представителей Абхазии»⁴². Грузинское правительство отказывалось без договора представлять абхазскую сторону на переговорах с иностранными державами, выражая опасения, что Турция может оккупировать Абхазию. В результате Какуба запросил у АНС мандат на подписание договора⁴³.

10 июня АНС дал согласие на заключение договора. Против был только С.П. Басария, который предложил обратиться к Грузии дать согласие провести съезд для определения статуса Абхазии⁴⁴.

Означало ли это, что в государственно-правовых отношениях между Абхазией и Грузией наступила определенность? Нет! И главным человеком, кто об этом говорил, был не кто-нибудь, а член НСГ Исидор Рамишвили, который 19 июля на заседании АНС заявил, что только «съезд решит дальнейшую политику Абхазии: примкнет ли она к Грузии, России или Турции или объявит самостоятельность»⁴⁵. Если резюмировать все вышесказанное, то на июнь 1918 г. государственно-правовые отношения Абхазии и Грузии находились в неопределенной стадии.

Однако дальше начинаются события, которые можно квалифицировать как односторонние действия грузинской стороны по определению государственно-правовых отношений Абхазии и Грузии. Можно указать на следующие элементы таких действий Грузии.

Элемент 1. Ввод вооруженных подразделений Грузии под руководством Г. Мазнишвили и Г. Кониева под предлогом борьбы с большевиками 17–18 июня 1918 г.

Элемент 2. Самовольное определение статуса Абхазии со стороны Военного министерства Грузии. 23 июня 1918 г. Военное министерство Грузии объявило о создании Сухумского генерал-губернаторства, а сам Мазниашвили объявлен генерал-губернатором. Даже не высший орган Грузинской Демократической республики (ГДР), а его министерство определяет статус Абхазии. 4 июля АНС заявил по этому поводу протест грузинскому правительству⁴⁶.

16 сентября 1918 г. И. Рамишвили был назначен полномочным представителем Грузии в Абхазии, которому должны были подчиняться все военные и гражданские учреждения.

Элемент 3. Проведение в Абхазии политики грузинизации. В частности, 23 июля 1918 г. Комиссия по вопросу о сокращении штатов и национализации почтово-телеграфных учреждений Грузии направила в Сухум телеграмму, в которой предписывала до 1 ноября ввести грузинский язык и уволить всех сотрудников, не владеющих им⁴⁷.

В ответ 25 июля АНС указал грузинскому правительству, что с учетом интернациональности Абхазии основным языком остается русский. Также он потребовал от чиновников края дать подписку о верности АНС и запретил увольнения служащих по национальному признаку⁴⁸.

Элемент 4. Использование вооруженных сил Грузии против мирного населения Абхазии. Исследование сохранившихся документов АНС показывает, что летом 1918 г. Абхазию просто захлестнула волна грабежей, производимых грузинскими войсками. Так, комиссия АНС под руководством К.Ф. Дзидзария в августе 1918 г. только в селе Лыхны Гудаутского участка насчитала ущерб в сумме 85 718 рублей⁴⁹. 18 августа лично глава АНС Шервашидзе выехал в район Кодорского участка для расследования грабежей и выяснения убытков⁵⁰.

Кроме того, грузинская сторона стала повторять ошибки большевиков: привлекать к военным операциям против своих противников пришлый элемент. Так, Б. Маилян отмечает, что использовались германские солдаты, кубанские казаки, мингрельские и греческие ополченцы⁵¹.

О том, как именно действовали, например, кубанские казаки, свидетельствует документ, поданный в АНС 26 октября 1918 г. комиссаром Джгярдинской общины К. Агумаа, — список лиц, пострадавших от грузинских войск. В нем приводится большой список потерпевших от грабежей семей (Маршания, Ашуба, Багапш и т.д.) и суммы принесенных им убытков. Особо подчеркивается, что вначале село потерпело от казаков, а затем и от грузинских солдат⁵².

Элемент 5. Насильственные манипуляции политическим процессом в Абхазии.

Прежде чем обратиться к этой теме, следует вернуться к тезису Маиляна о том, что Абхазия имела к моменту своей советизации земскую автономию. Он основан на том, что в марте 1919 г. грузинское правительство передало

НСА (так назывался АНС) все административные дела и земства. При этом следует отметить, что в структуре не только Абхазии, но и Грузии были созданы уездные земства.

В марте 1919 г. новый состав АНС, который был переименован в Народный Совет Абхазии (НСА), принял «Акт об автономии Абхазии», который предполагал (а) автономный статус Абхазии в составе Грузии, (б) создание смешанной комиссии из членов абхазского и грузинского Учредительных собраний для выработки конституции Абхазии и распределения полномочий между Тифлисом и Сухумом. Поверхностный взгляд на ситуацию позволяет сказать, что государственно-правовой статус Абхазии и характер ее отношений с Грузией определены.

Однако к этому моменту грузинская сторона несколько раз не просто грубо вмешивалась в работу АНС, но и трансформировала этот орган. Произошло это в два этапа.

Первый этап — фактическое приостановление деятельности АНС 15 августа 1918 г. группой его членов протифлисской ориентации во главе с Варламом Шеврашидзе. В качестве условия восстановления деятельности АНС грузинское правительство потребовало удаления оттуда видных сторонников независимости во главе с С. Басария, которых обвинили в туркофильстве. Кроме того, в состав АНС были добавлены представители грузинского и мингрельского населения и несколько греков, армян и русских. Спусковым крючком к этому стали события июля–августа 1918 г., когда сторонники независимости в АНС поставили вопрос о правовом уточнении отношений между Сухумом и Тифлисом.

Второй этап — роспуск АНС грузинским правительством 12 октября 1918 г. Формальной причиной этого решения стали события 8–10 октября, когда группа оппозиционно настроенных к Тифлису членов АНС вынесла вотум недоверия главе АНС Шервашидзе. Тот сообщил в Тифлис телеграммой о попытке вооруженного переворота. Оппозиционные депутаты АНС были арестованы и заключены в Метехский замок.

При этом Б. Маилян считает, что причиной этих событий стал вопрос о выборах в АНС. Грузинская сторона требовала от своих абхазских визави укомплектовать его на основе всеобщих прямых и тайных выборов на пропорциональной основе, чему противились оппозиционеры из АНС⁵³. Однако совершенно очевидно, что речь шла о своего рода взаимной игре на повышение ставок. Абхазская сторона вполне резонно ставила вопрос о выполнении главного пункта договора от 11 июня — определение статуса Абхазии и ее государственно-правовых отношений с Грузией. А грузинская сторона ставила вопрос о перевыборах АНС на новых условиях. Маилян считает, что «статус Абхазии оставался неопределенным, так как не удалось создать такой выборный орган, который был бы уполномочен выступать от имени всего многонационального населения Абхазии»⁵⁴.

Вызывает вопросы попытка интерпретировать деятельность грузинской стороны как защиту прав неабхазского населения. 27 декабря 1918 г. грузинский парламент принял положение о выборах в Абхазии. Согласно ему депутатами АНС могли быть избраны и граждане Грузии, проживающие вне Абхазии, и лица, поселившиеся в Абхазии после 9 июля 1914 г. То есть не просто «заботились о неабхазах», но и «разбавляли» потенциальный состав нового АНС лицами, которые к данной территории не имели никакого отношения. В результате в новый состав АНС было избрано 40 депутатов, из которых 27 — сторонники тифлисской ориентации. 18 марта 1919 г. новый состав АНС открылся и тут же переименовал себя в Народный Совет Абхазии (НСА).

Таким образом, с июня 1918 по март 1919 г. Тифлис несколько раз в одностороннем порядке не только нарушил заключенный по его инициативе договор от 11 июня 1918 г., но и переформатировал с помощью «права силы» политическое пространство Абхазии с целью лишения какого-либо политического влияния своих противников.

Внутри нового состава НСА было составлено три проекта конституции Абхазии. Первый был составлен социал-демократической (т.е. меньшевистской) фракцией НСА. Второй — комиссариатом Абхазии, т.е. представительством тифлисского правительства. Третий — абхазской фракцией НСА.

Первые два проекта предполагали автономию Абхазии на уровне земской автономии. Третий же проект предполагал разработку автономного статуса с учетом соглашения от 11 июня 1918 г., т.е. равноправный статус Абхазии и Грузии.

Казалось бы, если тифлисское правительство не устраивал проект равноправия двух субъектов, то были проекты, предполагавшие земскую автономию. Однако грузинская сторона фактически проигнорировала все сухумские предложения, даже исходящие от протифлисской части НСА. Вместо конституции грузинские власти решили ограничиться «Положением об автономии Абхазии», которое должны были разработать депутаты Учредительного собрания Грузии.

Таким образом, тифлисские власти, по сути, растоптали навязанный ими же первому составу АНС договор от 11 июня 1918 г. Автономия Абхазии была сведена к формальному НСА и подчиненным грузинским властям земствам.

Отметим, что поведение тифлиских политиков вызывает возмущение даже тех грузинских авторов, которые симпатизируют прогрузинской части АНС. Так, в вышедшей в 2016 г. при содействии Министерства образования Автономной Республики Абхазия книге Нато Маршания «Абхазская аристократия в изгнании» так описывается роль Владимира Эмухвари: «...Эмухвари, конечно, хорошо видел и ошибки, совершаемые социал-демократическим правительством Грузии в отношении абхазской аристократии, имеющей большое влияние на крайне традиционалистское абхазское общество... В результате оши-

бочной политики грузинских социал-демократов часть абхазских аристократов, которые потенциально являлись патриотами и Грузии, и Абхазии, в 1918 году придерживались протурецкой, а в 1919 году проденикинской ориентации»⁵⁵.

В феврале–марте 1921 г. Абхазия и Грузия были советизированы⁵⁶. В последние дни тифлисские власти приняли конституцию республики, но практически она не использовалась, зато стала действующей Конституцией Грузии в 1992–1995 гг. В статье 107 того документа говорилось, что Абхазия получает автономию в местных делах. А статья 108 утверждала, что автономия будет разработана отдельным актом. Было также опубликовано «Временное положение об автономной Абхазии»⁵⁷. То есть договор от 11 июня 1918 г. уничтожен окончательно.

Сторонники грузинской позиции могут возразить, что в результате вытеснения большевиков из Гагринского и Сочинского районов был выполнен пункт того договора о восстановлении Абхазии от Ингура до Мзымты. Однако и здесь стоит сказать, что юридическое закрепление границ между РСФСР и ССР Абхазия произошло после своего рода межреспубликанского арбитража, длившегося с 1922 по 1929 г.⁵⁸

Приходится признать, что выпавшее из рук первого состава АНС символическое знамя подняли их антагонисты-большевики. История советизации Абхазии и определения ее статуса — это тема отдельного исследования. Однако если кратко говорить об этой теме, то фактически при советизации Абхазии повторилась ситуация между АНС первого состава и НСГ. Только в этот раз главными антагонистами стали однопартийцы — абхазские и грузинские большевики.

Совершенно очевидно, что поворот абхазских большевиков во главе с Е. Эшба и Н. Лакоба к абхазской теме был вызван и учетом собственных ошибок образца 1918 г., и той политикой, которую проводили грузинские меньшевики. Как писал в октябре 1921 г. в своем письме в Кавбюро ЦК РКП (б) Ефрем Эшба, «Батумское совещание 28-го марта приняло единственно правильное решение — независимость Абхазии; иное решение в то время было бы трудно поправимой ошибкой, которая подорвала бы в массах авторитет Советской власти»⁵⁹.

Таким образом, процесс создания абхазской государственности и определения государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией был насильственно прерван в 1918–1919 гг. грузинской стороной. Как ни парадоксально, но прерванный в 1918 г. процесс восстановления абхазской государственности сумели реанимировать представители большевистской партии. При этом первоначально в 1917–1918 гг. именно большевики противостояли АНС первого состава. Более того, в какой-то степени именно действия ВРК Абхазии в апреле–мае 1918 г. привели к вооруженному вмешательству в абхазские дела грузинской стороны.

Однако события после падения Сухумской коммуны привели к тому, что большевики стали восприниматься не просто как политическая партия, стре-

мнящая выражать интересы определенных слоев населения, но и как сила, которая способна выражать абхазские национальные интересы. Причиной тому были как действия самой грузинской стороны, так и внутренняя трансформация большевиков. С одной стороны, грузинские меньшевики начали политику репрессий в Абхазии, задевая в том числе и национальные чувства. С другой стороны, верхушка абхазских большевиков (Е. Эшба, Н. Лакоба и другие) начали двигаться в сторону национальной трансформации. Именно Лакоба и Эшба, несмотря на свои личностные разногласия, стремились к выделению Абхазии в отдельную ССР.

Примечания

¹ Муханов В.М. Сухумский военный отдел // Большая Российская Энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 476.

² Муханов В.М. Сухумский округ // Большая Российская Энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 476.

³ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // URL: <https://docplayer.ru/31976779-Gia-nodia-konflikt-v-abhazii-nacionalnye-proekty-i-politicheskie-obstoyatelstva.html> (дата обращения: 23.02.2020).

⁴ Андроникашвили З. Сила бессилия. Мартирологическая парадигма грузинской политической теологии // Конфессия. Империя. Нация. Религия и проблема многообразия в истории постсоветского пространства. М., 2012. С. 110–113.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 112.

⁹ Нодия Г. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и последней волны махаджирства абхазское население, за исключением населения Самурзакана, сел Илор и Пакуаш, было объявлено «виновным» якобы за поддержку турок и на него был наложен ряд ограничений (в частности, запрет на жизнь в городах).

¹³ Заметим, что в классическом романе грузинского писателя Константинэ Гамсахурдиа «Похищение Луны», по которому уже не одно поколение грузинских читателей узнает об абхазах, описываются именно представители самурзаканского дворянства и крестьянства.

¹⁴ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Маилян Б.В. К вопросу о политическом статусе Абхазии (1917–1921 гг.) // Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки) [Ереван]. 2009. № 2 (8). С. 28.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Абхазский Народный Совет. 1917–1920 / Под ред. Р. Ходжаа. Сухум, 2007. С. 16.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Маилян Б.В. Указ. соч. С. 29.

²² Тарнава М.И. Воспоминания о революционном движении в Абхазии в 1917–1921 годы // Абхазия — документы и материалы (1917–1921 гг.). Сухум, 2009. С. 39.

²³ Муханов В.М. Грузинская Демократическая Республика: от первых дней независимости до советизации. М., 2018. С. 24–34.

²⁴ Там же. С. 104–112.

²⁵ Цит по: Абхазский Народный Совет. С. 30.

²⁶ Маилян Б.В. Указ. соч. С. 29–30.

²⁷ Цит. по: Абхазия — документы и материалы (1917–1921 гг.). С. 21.

²⁸ Маилян Б.В. Указ. соч. С. 31.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 39–40.

³¹ Муханов В.М. Указ. соч. С. 114–120.

³² Там же. С. 644–645.

³³ Цит. по: Лакоба С.З. Ответ историкам из Тбилиси. Сухум, 2001. С. 59.

³⁴ Там же. С. 48–49.

³⁵ Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921–1938). Сухуми, 1981. С. 33.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006. С. 158.

³⁸ Там же. С. 158–159.

³⁹ Абхазский Народный Совет. С. 30–31.

⁴⁰ Там же. С. 36–37.

⁴¹ Там же. С. 39–40.

⁴² Там же. С. 32–33.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 38–39.

⁴⁵ Там же. С. 72.

⁴⁶ Там же. С. 47–51.

⁴⁷ Там же. С. 83–84.

⁴⁸ Там же. С. 85–89.

⁴⁹ Там же. С. 125–133.

⁵⁰ Там же. С. 134.

⁵¹ Маилян Б.В. Указ. соч. С. 35.

⁵² Абхазский Народный Совет. С. 192–196.

⁵³ Маилян Б.В. Указ. соч. С. 36.

⁵⁴ Там же. С. 37.

⁵⁵ Маришания Н. Абхазская аристократия в изгнании. Тбилиси, 2016. С. 35.

⁵⁶ Подробнее см.: Муханов В.М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40). М., 2014. С. 171–228.

⁵⁷ Муханов В.М. Грузинская Демократическая Республика... С. 145.

⁵⁸ Подробно см.: Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа // Анчабадзе З.В. Избранные труды: В 2 т. Сухум, 2011. Т. 2. С. 153–154.

⁵⁹ Цит. по: Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. М., 1997. С. 103.

Абхазский государственный проект в 1918–1921 гг.: предпосылки и попытки реализации

Владимир Владимирович НОВИКОВ

В статье рассматривается история воссоздания абхазской государственности в 1918–1921 гг. Воссоздание абхазской государственности и противодействие этому процессу со стороны властей меньшевистской Грузии рассматриваются как противостояние двух полярных политических проектов — абхазского и грузинского.

Крушение Российской империи и последовавшая смута в России привели к тому, что и абхазская, и грузинская политические элиты начали реализовывать свои проекты. В результате обнуления российского фактора в регионе обе стороны — абхазская и грузинская — вынуждены были апеллировать к внешним силам (Германии, Турции, российским белым вооруженным формированиям).

Отдельно рассматривается роль абхазских большевиков в событиях 1918–1921 гг. Показано, что в 1918 г. абхазские большевики допустили ряд ошибок, которыми воспользовались грузинские меньшевики. Используя «большевистскую опасность», грузинские меньшевики ввели в Абхазию после начала конфликта между большевиками и абхазскими крестьянами Кодорского участка подконтрольные им части закавказской Красной гвардии. После этого грузинские меньшевики фактически оккупировали Абхазию. Прослеживается и эволюция абхазских большевиков, которые видоизменились за период 1918–1921 гг. от «могильщиков» абхазского государственного проекта до его главных защитников.

Ключевые слова: Абхазия, Грузия, Россия, меньшевики, большевики.

Abkhazian state project in 1918–1921: background and implementation attempts

Vladimir V. NOVIKOV

The article examines the history of the re-establishment of Abkhazian statehood in 1918–1921. The re-establishment of Abkhazian statehood and opposition to this process by the authorities of Menshevik Georgia is considered as a confrontation between two polar political projects — the Abkhazian and Georgian.

The collapse of the Russian Empire and the subsequent turmoil in Russia led to the fact that both the Abkhazian and Georgian political elites began to implement their projects. As a result of the reset of the Russian factor in the region, both sides — Abkhazian and Georgian — were forced to appeal to external forces (Germany, Turkey, and Russian white armed groups).

The role of the Abkhazian Bolsheviks in the events of 1918–1921 is considered separately. It is shown that in 1918 the Abkhazian Bolsheviks made a number of mistakes, which were used by the Georgian Mensheviks. Using the “Bolshevik danger”, the Georgian Mensheviks introduced into Abkhazia, after the beginning of the conflict between the Bolsheviks and the Abkhazian peasants of the Kodori district, parts of the Transcaucasian red guard under their control. After that, the Georgian Mensheviks actually occupied Abkhazia. It also traces the evolution of the Abkhazian Bolsheviks, who changed over the period of 1918–1921 from the “gravediggers” of the Abkhazian state project to its main defenders.

Keywords: Abkhazia, Georgia, Russia, Mensheviks, Bolsheviks.